

Не созерцатель жизни — творец!

Нина Николаевна Дьякова (в девичестве Кандаурова) — тоже бывшая студентка Анны Ивановны. В 1977 году окончила Благовещенский педагогический институт, с 1978 года работает в учреждениях культуры и искусства Амурской области — в областном краеведческом музее, областном Доме народного творчества, Амурском областном театре драмы. Член Союза писателей России с 1994 года, поэт, публицист. Дважды удостоена звания лауреата премии губернатора Приамурья в области литературы и искусства. Автор пяти поэтических сборников и двух книг художественно-документальной прозы. Является членом редколлегии журнала «Дальний Восток». В газете «Наш округ» от 25 января 2000 года она посвятила любимому педагогу одну из своих статей с очень точным названием.

28 января профессору кафедры литературы Благовещенского государственного педуниверситета, кандидату филологии Анне Ивановне Вайсман исполняется...

Скажем, немножко за тридцать. Цифры в данном случае мало что значат, ведь в Благовещенске и за его пределами с этим именем множества людей ассоциируется некий энергетический вихрь, жизнелюбие, богатство эмоций и страстей, коих могло бы хватить не на одну судьбу. Даже сегодня, когда Анна Ивановна не совсем здорова, её молодая душа кипит и живёт, опережая и обходя всевозможные бытовые (разве не бытовое неудобство — болезнь?) неурядицы. Не в характере Анны Ивановны — смиренно отдать себя на волю судьбы, опустить крылышки, нахохлиться и тихонько ждать естественной развязки. Как же — а стихи? А театр? А публикации? А внуки, в конце концов, как? Вот и не даёт она покоя родным и близким. По телефону с давней приятельницей по полтора часа кряду сочиняют стихи, даже игру свою придумали. Им весело, им интересно. А сыну младшему, Юлию, который (так случилось!) по профессии

врач, по натуре — врач, а по всему вместе — самый настоящий Доктор, добрее и обаятельнее и не сыскать, — так вот сыну, Юлию Михайловичу Перельману, общение с Анной Ивановной даёт ещё и немало важных жизненных ценностей:

— За что я больше всего благодарен маме, так это за острое восприятие мира, которым она меня наделила в полной мере. Мама — человек не созерцательный, для неё не характерно философское, несколько отвлечённое отношение к жизни. Она всё воспринимает обнажёнными нервами. Это не всегда хорошо, ведь человек при этом сгорает. И второе — мама приобщила меня к мировой культуре. Мама привила мне, моему брату, а дальше — внукам, понимание поэзии, умение не просто замечать, а видеть красоту мира, доброту людей... Хотя я ведь её просто очень люблю.

Анна Ивановна Вайсман из тех людей, о коих складывают легенды. Всегда. Есть преподаватели самые разные. Анна Ивановна — такой педагог, о котором во все времена студенты-первокурсники узнавали (и узнают!) гораздо раньше, чем начинают изучать предмет. В данном случае — предмет, сдавать который приходится в самую первую сессию. Кураторы групп новобранцев-филологов по обыкновению предостерегают: мол, преподаватели дадут вам списки литературы, так вот, литературу эту всю надо прочитать. Списки заучивать при этом не имеет смысла. И толку — никакого. Запомнить авторов, не читая книг, невозможно, да и рискованно: на экзамене вся информация исчезнет после первого же наводящего вопроса. Короче, читать надо. Добросовестно. Иначе...

Иначе первые же «халявщики» напарываются на зачёт по «античке» (для краткости: так студенты филфака называют интереснейший и, что скрывать, труднейший из предметов — античную литературу). Анне Ивановне нипочём нельзя было, сделав «голубой глаз», наврать с три короба, насочинять, если язык подвешен, и таким образом сдать трудный зачёт.

По причине легкомыслия и юношеского «пофигизма» студентов либо вследствие высокого преподавательского профессионализма Анны Ивановны, но номер «свалить античку с кондачка» не удавался. С таким редким по знанию предмета профи, коим лет уж пятьдесят является Анна Ивановна, сдача зачёта могла стать удовольствием

сильно пролонгированного действия. И провести либо обойти Анну Ивановну, дай Бог памяти, кажется, не удалось ни одному маменькиному лентяю, ни одному общественно значимому или страшно занятому студенту. Бывало — до четвёртого курса, до диплома... Таких, кстати, не жаловали ни преподаватели, ни студенты-однокашники. А вот Анну Ивановну — обожают и до сих пор. Любят, уважают, ценят и не устают благодарить многочисленные выпускники пединститута (ныне — педуниверситета), которые в какой только народнохозяйственной или общественно-экономической отрасли не работают. Учителя школ, воспитатели внешкольных образовательных структур, педагоги университетских кафедр, специалисты средних специальных учебных заведений, писатели, журналисты, предприниматели, киношники, социальные работники... Скажите — зачем им «античка», зарубежная литература разных периодов человеческой истории? Да ведь человечество живёт всё по тем же законам, которые изучены и отражены именно в литературных сюжетах. И со времён античности этих сюжетов-то не прибавилось до сего дня: любовные треугольники, правительственные интриги, борьба мира бедных и мира богатых, проблемы детей и родителей. И об этом чётко твердила всегда и продолжает твердить профессор Вайсман, начиная с самой первой своей лекции на первом курсе. Удалось кому это услышать и понять — значит, не безнадежны в делах будущих. И в семейной жизни меньше дров наломает такой специалист, и в творчестве, и на службе.

Конечно же, Анну Ивановну помнят все её студенты. Яркая это личность, незабываемая. Её артистизм и её неистребимое женское кокетство на лекциях, даже если в аудитории парней не больше 3–4 человек (на филфаке какие парни?), да и те тщедушные бледнолицые очкарики. Неважно! Анна Ивановна и тех мальчишек умудряется поднять в их же собственных глазах до высот настоящих джентльменов, придумывая всякий раз какую-нибудь неразрешимую без мужского участия проблему: то ли свет в аудитории погасить среди дня и солнца, то ли в деканат сбегать за расписанием, то ли кучу внесённых в аудиторию фолиантов унести по частям («Ой, это же тяжесть безумная! Одному не под силу», — скажет Анна Ивановна, будто не она эти фолианты доставила только что). Смотришь, к 4-му курсу «хлюпиков» уже расхватили-оженили. Анна Ивановна к сему и свою малую толику стараний приложила.

А то вот ещё, отдельной темой: любовь Анны Ивановны к художественному слову. Сегодняшние мэтры Амурского (и не только) радио и телевидения своим умением чётко и внятно говорить обязаны не кому-нибудь, а ей, Анне Ивановне. Одни учились на филфаке, другие занимались в её студии художественного слова. И здесь для многих всё начиналось с «антички». Маленькая, пухленькая, миловидная, с яркими серо-голубыми глазами, впархивала Анна Ивановна в аудиторию, декламируя нам, сидящим с отвисшими челюстями первокурсникам, какой-нибудь гекзаметр вроде: «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына!» На курсах постарше это мог быть красивый сонет Шекспира:

**Мои глаза в тебя не влюблены,
Они твои пороки видят ясно.
Но сердце ни одной твоей вины
Не видит. И с глазами не согласно.**

И ещё. Театр. Анна Ивановна Вайсман понимает его сердцем, чувствует его эмоциональные оттенки и переливы настроения в игре актёров; общую тональность спектакля схватывает скорее душой, а уж потом осмысливает, разводит по акцентам, называет своими терминами. Амурский драматический — особая любовь Анны Ивановны. В этой любви и призналась она однажды своей книжкой «На сцене — человеческие сердца, в зале — человеческие сердца».

Время проходит, а к этой книжке всё обращаются и обращаются люди, вместе с фактами выуживая из сборника статей о театре желание идти на спектакли, сопереживать «здесь и сейчас», в едином действии, радостям и горестям героев драм и комедий.

Такие люди, как Анна Ивановна Вайсман, воспринимаются неоднозначно. Кого-то беспредельно восхищают её жизнелюбие и страстность во всех проявлениях, кому-то не по себе от её трудолюбия и жажды познавать новое, кого-то откровенно раздражает её стремление поведать миру о своих чувствах. Но что точно: Анна Ивановна Вайсман остаётся ярким впечатлением, а то и событием в судьбе тех, кто её знает. Всё по той же причине: она не созерцатель, а творец.